

ПРОЛОГ

Поздним вечером, в мутно-чёрных уже сумерках, к старой таверне на окраине Плимута подошёл человек. В длинном шерстяном плаще, в истрёпанной шляпе. Обнаружив, что дверь ещё не заперта, радостно хмыкнул и вошёл в полутёмное помещение. С глухим стуком поставил к ноге тяжёлый матросский сундук.

— Крова и хлеба!

На его голос ответили из угла:

— В чём жизнь считаешь — в шиллингах или в пенсах?

— В фунтах.

Немедленно в углу послышались шорох, стук, и к двери пришагал, запалив вторую свечу, владелец таверны. Схватив и подняв сундук, рукою с горящей в ней свечой указал направление и вопросительно проговорил:

— Отдельный номер, на верхнем этаже, без топота над головой, бочонок тёплой воды, лоток кналлеров, холодный жареный гусь, крупная луковица, бутылка вина?

— Давай всё, что сказал. Только вместо вина — рому.

— Рому осталось полкувшина, хватит?

— До завтра хватит.

Поднялись на верхний этаж. Звонко объявило о себе большое кольцо с надетыми на него ключами.

Объявило и заставило замереть за дверью одного из номеров компанию подростков из трёх человек.

— Вот не повезло, если идут сюда!

— Так хорошо устроились!

— Почти уже ночь, откуда этот гость взялся?

— За окно по верёвке — уже не успеем. Давайте, все метнулись на шкаф и там замерли!

Шаги за дверью.

Со стола смели и воткнули в один из карманов глиняный стакан с игральными костями.

Задут огарок свечи и вышвырнут за окно. «Кошка» с небольшой бухтой верёвки закинута на шкаф. Стул подброшен к массивной боковине шкафа, мгновенно, безшумно. Трое один за другим вскочили с него на верхний планшир большого дубового шкафа и замерли.

— Если увидят, что делаем?..

Ключ заклекотал в замочной скважине.

— Увидят — ножи достаём и вниз прыгаем. Но не убивать! Пару тычков в ногу — и уже не погонятся... Тихо!

Дверь открылась.

— Располагайся, капитан. Сейчас принесу ужин.

— Отличный номер.

— Да, самый лучший. Дорогой, оттого редко занят.

— А ты как назад-то дойдёшь без свечи?

— Я здесь с рождения. Смогу даже бегать с завязанными глазами.

Удар поставленного на пол сундука. Шаги удаляются по гулкому коридору. Шорох стягиваемой одежды. Падение сброшенных башмаков. Шум тяжело опустившегося на травяной тюфяк тела.

Вновь приближающийся стук шагов. Дверь. Тюфяк. Стол, поднос.

— Деньги — сразу?

— Вот, возьми. Жить буду дней десять. Если мало — добавлю.

— Нет, этого довольно. Мы люди честные. Доброй ночи.

— Доброй ночи.

Загаившие дыхание на шкафу слышали, как человек внизу начал есть, шумно и жадно.

Размеренное бульканье рома.

— Спаси Господи, отлично поел.

Скрип сдвигаемой на край стола посуды. И — превосходно знакомый незваным гостям звук отпираемого сундучного замка.

— О-о-о, вот и ты!

Медленно-медленно, разом, не сговариваясь, вытянули шеи и посмотрели вниз. Капитан, сидя у раскрытого сундука, поднеся сбоку к свече, рассматривал лист старой пожелтевшей бумаги.

«Карта!!!»

— Уфф...

Сложив лист вчетверо и бросив его в сундук, капитан подошёл к окну, запахнул и взял на засов ставни. Выпил ещё рома. Задул свечу. Тяжело пал на кровать.

И через минуту принялся негромко храпеть.

Тишайшим образом трое переместились на стул, с него — на пол. Один прошёл к окну, медленно вывел из скоб засов, развёл ставни. Второй принёс и закрепил на каменном подоконнике «кошку». Верёвку стравил между ладонями вниз, осторожно, не издав ни звука. Третий в достаточном свете луны занёс руку в сундук и изъяс толстый, сложенный вчетверо лист. Спрятал на груди. И, первым перевалившись за подоконник, стёк вниз.

Когда все трое переместились на землю, один крепко взялся за верёвку и мотнул ею, пустив волну. Домчавшись до «кошки», верёвочная волна сдёрнула её с каменного подоконника, и трёхлапый паук полетел вниз. Здесь его ловко поймали и, на ходу скручивая верёвку в бухту, понесли прочь.

Остановились под первым попавшимся фонарём. Торопливо достали бумагу, развернули.

— Ну?! Карта?!

— Нет, не карта. Жуть какая-то!

— А что написано?

— «Ги-бель-вер-фер...»

— Да-а-а. Карту можно бы было или самим использовать, или продать. А с этим что делать?

— Проклятье. Лучше бы остаток гуся утащили.

— Подожди. Капитан ведь зачем-то сюда этот рисунок привёз?

— Да и рассматривал так, со значением!

— Тайна тут несомненная есть. Будем думать!

И трое, передавая друг другу лист, медленно пошли, приглушённо перекидываясь словами, по безлюдной плимутской улице, от фонаря к фонарю.

ПРОЛОГ ПОСТСКРИПТУМ

— Если древние свитки не врут, то этим стенам уже полная тысяча лет!
Маленький человек с зажжённой масляной лампой в руке неторопливо шагал по узкому каменному коридору. Второй рукой он придерживал водружённую на голову большую корзину. Впереди, в отступающей перед светом маленького огонька темноте, слышались торопливый шорох и писк.

— И, без сомнения, тысячу лет живут здесь эти неистребимые крысы!

Человек остановился, набрал в грудь воздуха и пронзительно крикнул. Стремительный шорох в темноте укатился вперёд, в отдаление, и затих.

— Что же они здесь жрут? — пробормотал, поправляя корзину, крикун и двинулся дальше. — Друг дружку, что ли? Пора снова посылать сюда янычар с порохом. Плохо, что потом год здесь будет стоять вонь от палёного мяса. Но, кажется, ближайший год мы сюда и не станем наведываться. Вот только одного гостя выпроводим...

Человек дошёл до длинного ряда каменных проёмов, каждый из которых вместо фронтальной стены имел решётку с небольшой дверцей. Здесь он, тяжело отдуваясь, присел, поставил на пол лампу и снял с головы нелёгкую ношу. Отпер дверцу, пролез внутрь и втянул следом корзину. Выпрямился, чихнул, потёр нос и громко воззвал:

— Вставай, англичанин!

В дальнем углу каменной камеры послышался слабый стон. Пришедший внёс внутрь помещения лампу, поставил её на небольшую специально для этого предназначенную полку. Слабый свет дотянулся до лежащего на голом каменном полу узника.

— Вставай! — повторил крысиный недоброжелатель и откинул крышку корзины. — Я принёс вина и хорошей еды.

Лежащий у стены узник снова простонал и с усилием приподнялся.

— Ешь и пей, — сказал, выпрямляясь, благодетель и отступил к двери. — Когда наберёшься сил, пройди коридор и поднимись наверх. Там тебя встретят и отведут в баню. Твои друзья тебя уже ждут.

— Ка... кие... дру... зья... — неповинуящимся языком выговорил узник.

— Какие? — не без высокомерной иронии переспросил его собеседник. — Неистребимые, как крысы, вот какие. Некто Оливер Бык и Матиуш Тонна. Притащились к дворцу тебя выручать, и загубили у меня троих янычар.

— Молод... цы... пар... ни... — выдавил узник и со свистом застонал-засмеялся.

Пришедший в ответ на это радостно улыбнулся и медленно, со вкусом потёр руки. Так довольная муха потирает сложенные передние лапки над крошкой вкусной еды.

— Значит, не сломал тебя Хумим-паша, англичанин. Ты не представляешь, как меня это радует!

Он присел, вытянул из корзины кувшин, чашку, налил вина и, осторожно приблизившись, протянул чашку узнику. Переправив её в худую, грязную, дрожащую руку, он поспешно отпрянул. Отступая назад, пробормотал:

— Не набраться бы от тебя блох.

Узник, расплёскивая вино, поднёс чашку ко рту и медленно выпил. Устало уронил руку. Негромко спросил:

— Ашо... тик. Ты чего... хо... чешь?

— Хумим-паша покинул нас, — скорбно вздохнув, поведал кизляр-агас. — Умер. Я теперь пою для нового паши.

— И... Что?..

— То, что новому паше нет до тебя дела.

— А тебе... есть.

— А мне есть. Слушай. Я дам тебе золота. Дам охранные грамоты. Возьмёшь своих друзей, возьмёшь моего помощника — мальчишку, его зовут Хасан, — и отправишься в Бристоль, в Англию. Найдёшь там своего врага, Томаса Локка. С ним поступай как хочешь, а мне нужна тайна его джинна. Джинна, который унёс отсюда, из дворца, его самого и всех матросов. Привезёшь мне эту тайну — и получишь ещё больше золота. Что скажешь?

— Если не... шутишь...

— Я не шучу.

— Иди... Готовь баню.

Ашотик снял с полки светильник и зашлёпал по коридору обратно. Он оставил узника в темноте — но тот давно к ней привык. Уж вино-то мимо рта не пронесёт! Кизляр спешил сообщить о достигнутой договорённости тому, кого считал самой важной персоной в предполагаемой затее.

Он дошёл, почти добежал до своего зала и радостно кивнул поднявшемуся из кресла навстречу ему мальчишке:

— Он согласился!

— А я и не сомневалась! — последовал звонкий ответ.

— Не сомневалась!! — отчаянно замахал толстыми ручками кизляр. — Неужели трудно запомнить!

— Но нас же не слышит никто, — виновато втянул голову в плечи мальчишка.

— Бигюль, безценная моя...

Мальчишка растянул губы в задорной улыбке, а Ашотик, с досадой ткнув себя кулачком в лоб, сел в освободившееся кресло.

— Хасан, безценный мой! Ты видишь, как легко сбиться, если не привыкнуть!

— Но, кажется, ты решил, что мне разговаривать вовсе не придётся! Я, кажется, буду всего лишь немой слуга богатого англичанина.

— Да, это так. Но к самому себе ты должен обращаться как мальчишка, тогда и поступки твои будут выглядеть мальчишескими!

— Я буду стараться.

— Хорошо. Теперь — самое главное. У капитана, который живёт в Бристоле, есть волшебный предмет. Если арабские легенды не врут, то этот предмет выглядит как обычная масляная лампа, вот как эта, с ручкой и носиком, но без масла и без фитиля. В лампе находится джинн, который может выполнить любое желание. Однажды он отсюда, из дворца, унёс два десятка человек. Во дворе остались монеты, оружие, а люди исчезли.

Ашотик замолчал. Сопя, уставился на носки своих расшитых золотом туфель. Хасан, внимательно глядя на него, присел рядом с креслом на свёрнутый в плотный валик ковёр. Прошла минута, и кизляр, вздохнув, достал из-за пояса небольшой, тёмно-зелёного стекла, плоский флакон.

— Страшный яд! — прошептал он, протягивая флакон Хасану. — Пробка залита смолой.

— Что сделать? — также шёпотом спросил мальчишка.

— Когда Стив с товарищами приведёт тебя в Англию — отрави их. О тайне вашего похода должен знать только ты. Потом проникни в дом капитана Томаса Локка, — как угодно, или слугой, или изобразив умирающего от голода. Живи там, молчи и слушай. Найди лампу. Узнай, как Локк вызывает джинна, запомни и заучи заклинание. Затем вызови джинна сам и прикажи ему принести тебя сюда, во дворец Аббасидов.

— О, эта лампа станет величайшим сокровищем в нашей тайной комнате!

— Не только, мой милый Хасан, — тихо засмеялся Ашотик, — не только! Тогда я сам — стану величайшим султаном Великой Порты!

— А кем же тогда буду я?

— О, ты станешь величайшим и мудрейшим визирем!

Ашотик, откинувшись в кресле, тихо, закрывая ладошкой рот, засмеялся. Так же тихо, шлёпнув ладонью по его пухлой руке, засмеялся Хасан.

Внизу, в подвале, в кромешной темноте, наполненной звуками крысиной возни, Стив, рыча, словно зверь, пожирал вынимаемую из корзины снедь.

В бане, в небольшом эркере, окутанные тягучими нитями пара, друг напротив друга сидели Оливер Бык и Матиуш Тонна. Они молча, сосредоточенно играли в нарды.

Глава I ЛЕВ И ГИЕНЫ

Нехорошее предчувствие тяготило Ашотика с самого утра. День складывался какой-то давящий, угловатый. В точности как тот, когда злохитростный Багдадский вор с помощью учёной обезьянки выкрал из гарема золотой кальянный мундштук. Сердце сжималось и холодело от приближения чего-то тяжёлого, грозного.

Оно и приблизилось.

ПОДСЛУШАННЫЙ ПРИГОВОР

Грузные размеренные шаги послышались в длинном каменном коридоре, соединяющим гарем с кабинетом паши, — уже не Хумима-паши, а нового, не проявившего пока ничего, что могло бы сказать Ашотику, чем живёт новый паша, о чём думает, чего хочет.

Шаги были невозможны, невообразимы! Али так не ходит!! А по этому коридору, кроме женщин гарема, имеют право ходить исключительно лишь Али и Ашотик...

...Ну да. Если не считать самого главного держателя прав.

— Мой господин! — метнулся к несущему зажжённый свечной фонарь паше маленький внуч.

— Ты кто? — спросил, опуская фонарь и щурясь на люющий в узкие окна-стрельницы солнечный свет новый паша.

Маленький евнух подпорхнул, кланяясь, а оттого делаясь ещё ничтожнее рядом с массивной фигурой своего господина. Пролил из чаши своей угодливости мёд своего раболепия:

— Я кизляр-агас, о эфенди великий и храбрый! Я увеселитель вечеров, я разжигатель каминов, я певец и рассказчик!

— Не ценно для меня никакое из умений твоих. Копьё в походе можешь нести? Из лука в цель попадаешь?

— Я для боевого копья слишком мал, о эфенди великий и храбрый! — Ашотик протянул вперёд, демонстрируя их никчёмность, маленькие пухлые руки. — И из лука мне ни во что не попасть, вот разве что из заморского железного лука, именуемого арбалет — он крутящей ручкой натягивается.

Новый паша с каменным лицом отвернулся.

— Там что? — спросил он, указывая на дверь, белеющую известковой побелкой.

— Комната для хранения особенно редких и ценных вин, о мой эфенди!

Ашотик резво подбежал и отомкнул замок. За дверью, действительно, открылась небольшая комната, шага два на три, вдоль длинной стены которой на полках стояли пыльные глиняные кувшины.

— Ты знаешь, как умер Хумим? — медленно и тяжело произнёс новый паша.

— Знаю, о великий и храбрый! Ночью он пил коньяк с визирями, а утром повёл всех показывать котёл, в котором, в коньяке опять же, сварили Гусейна. Громко смеясь, стал влезать в этот котёл, сорвался и упал животом на острую щепку. Через полдня живот вздулся и почернел, а ещё через полдня Хумим-паша умер. Я в эту ночь пел для них, о великий и храбрый, и сам всё видел.

— А ты знаешь, почему умер Хумим?

— О, что ж тут не знать, о эфенди! Потому что такова была воля Аллаха.

— Твоя мысль и половину пути не доходит до истины. Воля Аллаха была такой потому, что Хумим много пил. А я не пью даже вина, разбавленного водой. Там что?

И он зашагал... Ашотик охватился ледяным ознобом... к небольшой, поблёскивающей лаком резной дверце. Там, там... В полуротонде, скрывается завешенный тремя толстыми коврами альковчик, в который выходит слуховое отверстие, соединённое с вентиляционной решёткой в кабинете паши!..

— Для чего это место?

Ашотик, подбежав, неожиданно для самого себя выпалил:

— Это гаремная маленькая тюрьма! Если какая-то из жён провинится, о мой эфенди, её полагается поместить вот туда, за решётку, и в ней есть замок!

— Какая глупость. Там что?

— Собственно гарем, о эфенди, жёны бывшего Хумима-паши, а теперь твои.

— Покажи.

— Показываю, о мой господин, немедленно и охотно!

И, рванувшись вперёд, откинул засов, распахнул дверь и пронзительно прокричал:

— Быстро все сюда прибежали и встали!! Наш новый господин будет на вас смотреть!!

И на шагнувшего в гарем нового пащу обрушились вой, стон, стук кувшинов, лязг блюд, свист шёлка и плеск атласа, а также густой, приторный, почти непереносимый запах бальзамов, притираний, потеющей кожи, палёных щипцами волос, лампового масла, сальных свечей, тканевой пыли.

— Твои жёны, о мой господин, великий и храбрый! — возгласил кизляр-агас, тычками растолкавший в полукруг изнеженных томных красавиц.

— Жён я себе привык брать в захваченных городах, — сдавленным от духоты горлом прохрипел паша, — а не в золочёном курятнике...

И вышел поскорее за дверь.

«Беда, — с отчаянием подумал Ашотик, когда новый паша молча и быстро ушёл в коридор. — Это настоящая, серьёзная, злая беда». Он задвинул засов и, вдавив голову в плечи от рванувшихся в уши воплей и стуков, поспешил удалиться от гудевшей под ударами двери.

— О, как ты вовремя! — в невыразимом облегчении простонал он, увидев идущего навстречу Али.

— Наш паша спросил меня — кто я, — сообщил мерным и ровным голосом гаремный палач. — А когда я сказал, он сделал очень нехорошее лицо.

— Он не пожелал даже рассмотреть лучших красавиц Багдада! — простонал Ашотик, вцепившись в костисто-жилистую руку надёжного, преданного Али. — А это значит — гарему конец!

— То есть, конец и нам? — наклонил Али голову в дорогой белой чалме.

— Сейчас полностью всё узнаем, — сдвинув бровки, грозно пообещал Ашотик и, не выпуская крепкой руки Али, потащил его к «маленькой гаремной тюрьме».

Здесь, уже не скрывая свою драгоценную и опасную тайну, втолкнул Али в альков, влез сам и, тщательно расправив ковры, приблизил голову к слуховому отверстию. То же сделал Али, и они замерли, как две гиены, попавшие в логово льва.

— Тихо! — спустя недолгое время прошептал жарко Ашотик.

И вздрогнул, — так гулко, отчётливо прозвучали наполнившие кабинет паши голоса.

— Такое большое помещение пропадает впустую!

(«это паша...»)

— Самое лучшее помещение во дворце, о эфенди! Сухое, прохладное!

(«это капы-ага, главный привратник...»)

— Пока никому ничего не говори. Дождись вечера. Возьми десяток надёжных янычар и ночью вывези всю эту Хумимову золочёную свору из дворца.

— А... Куда?

— В мешок с камнем — и в Тигр.

— Всех?

— Всех.

— А чернокожих евнухов?

— Продать на базаре.

— Там ещё кизляр-агас со своим слугой, сильным боевым янычаром...

— Кизляра — продать. Янычара — в войско, умиряющее курдов. Там он будет полезней, если действительно сильный и боевой...

Ашотик, оперевшись обеими руками, отодвинул ковры, а когда Али, выскользнув в полуротонду, придержал их, выbralся из алькова и сам.

— Спастиcь хочешь? — задал он тихий вопрос, задрав голову.

— Да, — просто ответил Али. — Но я не вижу возможности.

— Идём, — коротко бросил уже не вполне кизляр-агас и зашлёпал золочёными туфлями в свою комнату.

Пришли. Учащённо дыша, обменялись напряжёнными взглядами. Махнув рукой в сторону дивана, Ашотик перевернул на бок небольшой круглый столик, подкатил, словно колесо, и поставил перед диваном на ножки. И выложил перед замершим от изумленья Али все свои сокровища. Четырнадцать прочных кожаных мешочков с монетами — не испорченными оловом монетами Османской Порты, а полноценным, европейским, с отчеканенными слонами и лицами королей золотом. Шесть шкатулок с европейским же серебром. И — длинный, из «железного» дерева ларец — главную драгоценность. В нём были лучшие украшения гарема Хумима-паши. Не блескущее пустотелое

золото, которое так любят нацепливать на себя Хумимовы жёны, — хотя золото, да, но с редчайшими, крупными, восхитительными самоцветами.

— Возьми вот это, — сказал Ашотик и толкнул кулачком оцепеневшего от вида сокровищ Али.

Он протянул один мешочек с «гвинейскими» золотыми Карла Второго — самыми красивыми из монет, со словами. Али его взял и спрятал за отворот халата. Ашотик из второго мешочка высыпал золото и наполнил его серебром из шкатулки. Также передал в жилистую широкую руку.

— Что сделать? — подался вперёд преданный янычар.

— Золотом старайся не сверкать. Мчись в английскую факторию и за любую цену купи европейский железный лук, который они зовут арбалет. Маленький или средний. Для него же купи сундук небольшой с замком и ключом, — такой, чтобы арбалет в нём полностью поместился. Спрячь арбалет в сундук и привези сюда.

Ашотик ткнул пальчиком в угол дивана. Али кивнул.

— Потом за любые деньги купи большой дом где-нибудь подальше от дворца. Обязательно с ледником и колодцем. Накупи полную повозку еды всякой и привези в этот дом. Соседям сообщи, что дом купил один учёный хаджи, у которого большая семья.

Али кивнул.

— И самое главное. Узнай ближе к вечеру, где расположился капы-ага. Наедине скажи ему, что просишь совета. Что ты увидел в моей комнате раскрытые сундуки, разбросанные ткани и выставленные на стол шкатулки с драгоценностями и золотые монеты. Попроси его посторожить эти драгоценности и монеты, пока будешь разыскивать меня. И, как только он войдёт в комнату — а он за драгоценностями пойдёт непременно — лиши жизни, закатай в ковёр и оттащи в дальний угол. А я пойду покупать лошадей, телеги и паланкины.

— А зачем нам телеги и паланкины?

— А затем, что бросать в мешках с камнями в Тигр женщин я не согласен.

— Мы их увезём? — проявил догадливость Али.

— В тот самый дом, купленный учёным хаджи.

— Вечером?

— Ночью.

— Очень рискованная затея.

— Ради наших женщин я буду рисковать, и ты будешь!

— О, я вовсе не спорю. Я силён, но не умён. Сделаю всё, что ты скажешь.

— А я умён, но не силён. Поэтому в тебе очень нуждаюсь. Исполни всё в точности.

Али, встав, кивнул и быстро вышел.

Ашотик, сняв роскошные туфли, чалму и доломан, поменял их на обыденные, насыпал в карман доломана серебра и неторопливо направился в город.

ЖУКОЛОВ

Он вернулся в гарем через пару часов. Вскоре Али принёс небольшой лёгкий сундук.
— Покажи! — с усилием сглотнув, распорядился Ашотик.

Али поставил сундук на диван. Достал ключ, отомкнул замок. Вынул из сундука два арбалета. Положил рядом с сундуком. Вынул и положил свёртки с оснасткой. Развернул. Разложил каждую к своему арбалету. Вставил рукояти, взвёл механизмы. Вложил в желоба тяжёлые стальные болты. И, поклонившись, почтительно отступил.

— Вон тот стол отнеси к стене, — показал Ашотик, — и положи набор.

Али быстро уложил стол, уперев его ножками в стену.
— Скамью, ковёр затолкай внутрь стола.

Али быстро исполнил.

Ашотик вздохнул, взял маленький арбалет и, направив его в столешницу, нажал на рычаг. Звонко лязгнули дуговые тяжи, толкающее болт стремечко. Ашотик бережно вернул арбалет на диван и подошёл к цели. Болт пробил дубовую столешницу, массивную скамью и ушёл наполовину в тугой вал ковра. Одобрительно кивнув, Ашотик вернулся к дивану и взял второй арбалет.

— О, этот тяжёлый!

— Но у этого есть опора, — сообщил торопливо Али и, подойдя, отщёлкнул и отвёл вниз тонкий стальной прут.

Отвёл. Снял с дивана опустевший сундук, закрыл крышку. Поставил на крышку прут, добыв для арбалета очень удобную опору. И Ашотик, старательно выведя рогающую машину в сторону стола, нажал на рычаг.

— У этого спуск легче! — сказал он, откладывая арбалет и направляясь к цели.

Подошли. Посмотрели. Болт пробил и столешницу, и скамью, и тугой вал ковра, и почти полностью ушёл в стену.

- Возьму этот.
- Но этот ощутимо массивней, — заметил Али.
- Спуск легче, а бьющая сила несравнимо больше.

Этот.

- Хорошо. Что делаем дальше?

Ашотик вскинул голову, посмотрел в узкое зарешёченное окно.

- Сумерки поползут часа через два?
- Примерно так.
- Пора. Ступай, узнавай, где сейчас капы-ага.
- Уже?
- Уже. Только сначала взведи и уложи арбалет обратно в сундук, и дай мне от сундука ключ.

Взяв ключ, спрятал его в правый карман доломана, а в левый положил другой — вынутый из замка шкафа. Затем оба обменялись напряжёнными взглядами. Вместе прошли гаремный длинный каменный коридор. И Али направился, миновав стражу из евнухов-африканцев, в лабиринты дворца. Ашотик же пришёл к комнате, в которой новый паша оставил Хумимову «неспящую стражу», и заявил яя-баши, янычарскому офицеру:

- По важному делу.

Яя-баши, привычно кивнув привычному посетителю кабинета паши, взял жезл и ударил в большой круглый гонг.

Прошло пять минут. Ашотик вопросительно посмотрел на яя-баши. Тот, понимающе кивнув, сообщил:

— Новый господин — новые правила. Выйдет, когда решит выйти, а ты стой и жди — иногда полчаса, а иногда даже больше.

Ашотик раскрыл рот, чтобы ответить, но дверь в кабинет вдруг открылась и на пороге встал новый вали Багдада.

— О эфенди, великий и храбрый! — прокричал звонко Ашотик. — Я по очень важному делу!

Паша хмуро сдвинул брови, но разрешающе махнул рукой.

Словно птичка, сверкая расшитыми шёлком и золотом полами маленького доломана, пролетел Ашотик мимо замерших за своими решётками янычарами, держащими «поднятыми на плечо» сверкающие ятаганы. Пролетел, ступил вслед за удаляющимся пашой за дверь, и дверь плотно прикрыл.

— И по какому же делу ты посмел меня потревожить?

— О, наш великий эфенди! У меня имеется большая шкатулка с драгоценностями, которую мне поручил хранить Хумим-паша. Не прикажешь ли, о эфенди, принести её к тебе? Там золото и самоцветы, и всё это, вне сомненья, твоё!

— Драгоценности? — резко повернулся к кизляру паша. — Почему же ты молчал до сих пор?

— Ждал твоего посещения, о великий и храбрый! Чтобы не отвлекать от важных дел! И вот сегодня ты пришёл, и я понял, что в своих важных делах ты добрался до дел гарема.

— Неси, — коротко распорядился паша.

И Ашотик, низко склонившись, выпятился из кабинета, толкнув задом дверь.

Он вернулся через четверть часа, с лицом, покрытым крупными каплями пота, и руками, вцепившимися в железную ручку небольшого и на вид не очень тяжёлого сундука. Натужно выдохнув, поставил сундук на каменный пол и кивнул яя-баши. Тот ударил в гонг, и почти сразу дверь в кабинет распахнулась. Ашотик, подхватив сундук, засеменял вдоль янычарской стражи и, старательно держа восторженную улыбку на залитом потом лице, внёс сундук в кабинет.

— Это ты называешь шкатулкой? — голосом, лишившимся напрочь равнодушия, спросил паша.

— О да, о мой эфенди! Такая тяжёлая! Там столько драгоценностей!

И, поставив сундук перед собой, плавно повёл руками в сторону дивана, приглашая пашу сесть и смотреть. Но паша не направился к дивану, а подошёл к Ашотику и его

сундуку. Встал, навис над головой как скала. Нетерпеливо сказал:

— Открывай!

Ашотик вынул из левого кармана ключ и, вставив его в скважину замка, попробовал отомкнуть.

Тщетно.

— Дай! — коротко сказал паша и, перехватив ключ, попытался отомкнуть замок сам.

Не вышло.

— О мой эфенди! — воскликнул громко Ашотик. — Очевидно, что Хумим-паша дал мне не тот ключ! Он что же, не доверял мне?! О Аллах!!

Паша, отбросив ключ в сторону, быстрыми шагами направился к стене, на которой висели ятаганы и сабли.

«Раз... Два...» — стал считать в такт его шагам Ашотик, даже не пытающийся сдержать загрохотавшее сердце. Ключ вынут из правого кармана. «Три...» Вставлен в замок. «Четыре... Пять...» Дважды повернут. Паша остановился у стены, снял ятаган. «Шесть... Семь...» Крышка сундука откинута, руки цепко взялись и подняли над сундуком арбалет. «Восемь...» Паша взвесил в руке ятаган, с досадой вложил обратно в державшие его скобы. «Девять...» Паша взял тяжёлый, на короткой рукояти топор...

Повернувшись к кизляру, он увидел то, чему не успел удивиться. На сундук была взгромождена какая-то металлическая рама, упирающаяся в его крышку тонкой железной ногой. Кизляр, закрыв один глаз, как-то очень нежно прижимался к этой раме щекой. В следующий миг страшный удар влетел в грудь и отбросил сильного, опытного воина к увешанной оружием стене. А в следующий миг Ашотик повернулся к двери и, свалив арбалет с сундука на пол, громко запел.

Для янычарской стражи всё было до скуки привычным. Всегда, при появлении кизляра в кабинете паши, оттуда доносились приглушённые звуки приятного пения.

Прошла минута. Ашотик перестал петь и прошептал:
— Я всё ещё жив. Это вселяет надежду.

И очень медленно повернулся к судьбе лицом. И вздрогнул! И дыхание перехватило! Судьба стояла на своих ногах, крепких, сильных, привычных к походам, и смотрела ему прямо в глаза. Ашотик не сразу поверил в то, что ровно из середины груди его временного господина торчит хвостовик стального болта. Воодушевляя себя, он снова запел. И так, печально, тоненько подвывая, побрёл к оружейной стене. Собрал всю отвагу свою, дёрнул пашу за рукав. Голова паши дрогнула и тяжело пала на грудь.

— Как жука спицей, — прошептал маленький гиен и заметал взгляды, стремительно обследуя кабинет.

Скамья. Небольшая. Напевая вполсилы, подтащил к стене, встал. Дотянулся до предмета, который был не просто самым драгоценным в коллекции оружия Хумима-паши, а сделан, казалось, в точности для певца. Маленький, в удобных ножнах, кинжал с прямым острейшим клинком, кованым из стали, называемой «чёрный булат». Изъял из скоб. Засунул сбоку за пояс, тщательно прикрыл полый доломана. Вернулся к сундуку, уложил в него отработавший арбалет. Вынул из сундука золотую монету. Замкнул замок. Опустил ключ в карман. И, смолкнув, подошёл к двери. Громко крикнул:

— Благодарю тебя, о эфенди сильный и добрый!

И вышел к стражникам.

Гиен засеменил, зачем-то волоча обратно громоздкий сундук, но взгляды неспящей Хумимовой стражи были обращены не на сундук, нет. Все глаза смотрели на поднятую вторую руку посетителя паши, в которой он поворачивал между пальцами высокоценимый во всех меняльных лавках Багдада европейский поблёскивающий золотой.

— О эфенди! — почти в безпамятстве стонал кизляр, вполне успешно маскируя изнеможение страха изнеможением счастья. — О мой добрый эфенди!..

Дойдя до яя-баши, остановился. Громко стукнул, опустив на пол, сундук. Спрятал в карман доломана монету. И строго сказал:

— Наш господин просил меня передать тебе, чтобы сегодня никого к нему не пускали. И в гонг чтобы не били! Он будет спать.

И, пресекая возможный вопрос, понизив голос, доверительно сообщил:

— Завтра с утра я начну приводить к нему Хумимовых жён. Ему понадобятся все его силы!

Яя-баши, понимающе улыбнувшись, кивнул. Кизляр поменял руку, поднял сундук и засеменил в гарем. И дворец Аббасидов заполнила привычная предвечерняя тишина.

ПОБЕГ

Али встретил его в коридоре: услышав неровные заплетающиеся шаги, поспешил навстречу. Подбежал, слегка пригибаясь под немного низким для него потолком, перехватил сундук. Ничего не спрашивая, повернулся, понёс. Но когда оба вошли в комнату Ашотика, он, взглянув в лицо кизляра, со свистом втянул сквозь зубы воздух, наклонился и прошептал:

— Что там случилось?

— Я убил пашу Багдада. А что?

Али, не отводя взгляда от его лица, наощупь зацепил со столика зеркало и поднёс. Ашотик, посмотрев, вздрогнул. Черты лица его страдальчески заострились, а вокруг глаз легли пугающе чёрные тени.

— Что ж, — устало произнёс маленький евнух. — Так даже лучше. Разговор убедительней выйдет...

И вздрогнул ещё раз: взгляд его упал на лежащий у стены свёрнутый в толстый цилиндр яркий ковёр. Али посмотрел в направлении его взгляда и подтвердил:

— Капы-ага.

— Ну вот. Кажется, всё хорошо. Мы выгадали время себе до утра, а это очень много.

И, развернувшись, зашаркал на подгибающихся ногах в золочёный курятник.

Топот торопливых шагов и звон опрокидываемых медных умывальных кувшинов снова разнеслись по гарему, и добавились к ним напряжённые, злые крики: каждой обитательнице гарема хотелось первой попасть в объятия нового паши и попытаться стать его любимой женой. Но, подбежав к пришедшим, женщины смолкли и замерли. Их испуганные взгляды словно прилепились к чёрным глазницам кизляра. А он глубоко вздохнул и сказал:

— Молчите и слушайте. На нас пало страшное горе.

И покачнулся. Али мгновенно шагнул и придержал его за плечо.

— Вы сами должны были уже догадаться, что значили слова нашего нового паши о том, что жён он привык себе брать в захваченных городах. Но вы, безмозглые курицы, думаете только о том, кто из вас станет главной в гареме. Молчите и слушайте. Дайте договорить до конца, не понимайте вой. Али, возьми бамбуковый шест для выбиванья ковров и бей что есть силы любую, кто посмеет заголосить.

Мёртвая тишина повисла в гареме. Али не взял шест, но посмотрел так, что отпала всякая надобность в дополнительном устршении.

— Паша приказал дожидаться ночи, привести сюда янычар, каждую из вас засунуть в мешок, положить камень и сбросить в Тигр.

Али снова взял Ашотика за плечо и сказал:

— Я тоже был там и это приказание слышал.

Ашотик кивнул и, стараясь опередить выкатывающиеся на прекрасные и испуганные глаза стремительные слёзы, быстро проговорил:

— У меня много денег, и я мог бы сбежать в Грецию или Турцию и жить там в сытой роскоши. Но я искренне люблю вас всех. И я вас в этой беде не оставляю. Я знаю, как вас спасти. Скажите немедленно, вы хотите спастись?

И, резко подняв руку, остановил вал криков и стонов.

— Идите в свои пыльные норы. Берите и связывайте в узлы свои самые ценные вещи. Ровно столько, чтобы поднять и нести без посторонней помощи: нам с Али предстоит быть занятыми с лошадьми и повозками.

— О, позволь спросить, о наш господин! — сдавленно проговорила одна из женщин.

— Спрашивай, Зарина, — кивнул ей Ашотик. — Лучше сейчас ответить на ваши глупые вопросы, чем ночью, когда условием спасения будет полная тишина.

— Как же мы выйдем из дворца? Нас стража не пустит.

— Мы с Али проломим стену в том месте, где проходит одна неприметная улица. Туда же я подгоню уже купленные мной повозки. С шатрами!

— Но господин! Далеко ли мы уедем в медленных повозках с шатрами, если утром за нами в погоню пустятся все янычары Багдада?

— Очень хороший вопрос, Зарина. В этом и есть наша хитрость: мы и не подумаем убежать. За час мы доедем до одного большого и прочного дома, с фруктовым садом, с подвалами, с ледником и колодцем. Дом этот только что купил для своей семьи с многочисленными дочерьми один учёный хаджи. И, пока по всей Персии будут мчаться ловцы-янычары, вы будете мирно и тихо жить в новом доме. Там уже стоит большая повозка со всякой едой, которую вам придётся перенести в ледник.

— О наш господин! А этот учёный хаджи, когда узнает про нас, он не выдаст ли нас за большой бакшиш янычарам?

Али шагнул и успокаивающе произнёс:

— Учёный хаджи, купивший дом — это я.

— Всё! — вскинул к плечам пухлые ладошки кизляр. — Идите и соберите узлы. Через час уже стемнеет.

И, вцепившись в рукав халата Али, Ашотик развернулся к двери.

— Что делать теперь? — спросил Али, когда они вышли.

— Идём к Ибибио.

— Ты и африканцев хочешь спасти?

— А как ко мне отнесётся Аллах, если я брошу их здесь? Едва лишь найдут трупы паши и привратника, им всем отрубят головы.

И снова зашаркал туфлями по длинному коридору.

Главный африканский евнух, Ибибио, радостно улыбаясь, вскочил со своей широкой тахты.

— Паша выбрал себе жену? Кого будем мыть, натирать маслом?

— Зови сюда всех своих, — тихо и грозно сказал Ашотик и, поддерживаемый Али, сел на освободившуюся тахту.

Через минуту, подняв голову, посмотрел на десятерых рослых мускулистых стражников гарема. Евнухи стояли, впившись взглядами в его почерневшее лицо и молчали. Ашотик негромко сказал:

— Вас даже за стражников здесь не считают. — И показал на поблёскивающие в чёрных руках сильно загнутые, широкие мечи. — Такой меч против янычарского копья — всего лишь игрушка.

— Это мы знаем, — сверкнул белками глаз Ибибио. — Но ты ведь пришёл не за тем, чтобы нам это сказать.

Ашотик устало вздохнул.

— Паша распорядился всех Хумимовых жён засунуть в мешок, положить камень и сбросить в Тигр. А всех африканцев продать на невольничьем рынке. С рынка же вам, таким рослым и сильным, путь только в каменоломни. А это медленная и мучительная смерть.

— Ты уже знаешь, что нужно делать? — очень спокойно, после небольшой паузы, спросил Ибибио.

— Мы с Али купили дом, в который перевезём сейчас всех Хумимовых жён, и повозки с шатрами. Жёны уже собирают узлы. Вас я не решился бросить здесь, опасаясь гнева Аллаха. Поэтому пришёл звать вас бежать вместе с нами.

Ибибио повернулся к стражникам гарема. Они заговорили быстро и взволнованно на своём языке. Затем Ибибио повернулся к Ашотику и Али и сказал:

— Мы готовы бежать. Оружие возьмём с собой.

— Другое оружие есть? — спросил Ашотик, с пренебрежением взглянув на их впечатляющие на вид, но неудобные в бою сильно загнутые мечи.

— Только это.

— Хорошо. Не берите больше ничего, да у вас ничего больше и нет. Идёмте в мои комнаты, приготовьте все, какие

можно унести, ковры и несколько моих сундуков. Потом нужно будет проломить стену в одном месте, куда мы с Али подгоним четыре повозки. Вместо крови врагов такие мечи естественнее всего мазать глиной.

И, встав с тахты, направился в коридор.

Словно цепочка муравьёв, быстро и молча, слегка пригнувшись под невысоким сводом, шагали вслед за маленьким военачальником десять одинаковых чёрных стражников с десятью одинаковыми сверкающими мечами.

Возле двери женского крыла гарема военачальник остановился и, приоткрыв дверь, довольно кивнул: ни одного голоса, только шорох и скрип шёлковых шнуров, утягивающих поклажу.

Дошли до помещенья кизляра.

— Шестеро остаются здесь, сворачивают все ковры, они баснословно дорогие, я их много лет отбирал. Вот тот тоже раскатите, да не лишитесь чувств наподобие женщин: там лежит капы-ага, который сегодня ночью должен был привести янычар за нашими жизнями. Четверо самых сильных — за мной.

Он вышел из комнаты, и с ним вышли четверо во главе с Ибибио. Недолго попетляв по извилистым коридорам, распорядитель ночного действия остановился возле ничем не примечательной белой стены.

— Вот здесь. Секите!

И отступил в сторону.

Двое чернокожих мускулистых меченосцев, разойдясь на разные руки, принялись бить, насекая будущий проём. Двое, склонившись, стали отбрасывать крупные комья глины.

Через пять минут проход был готов.

— И куда ж мы попали? — спросил Ибибио, шагнув в небольшой двор, сильно заросший кустами дикой розы.

— Куда надо попали, — негромко произнёс Ашотик. — Срезайте всю розу, сваливайте в дальний угол. Ведите сюда

женщин из гарема и несите их узлы и всё приготовленное в моей комнате. К этой стене подъедут повозки. Али перебросит сюда к вам мою чалму. Тогда немедленно делайте новый проход вот здесь. Сначала посадите в повозку женщин, чтобы не занимали здесь место. Потом будем грузить всё, что эти курицы насобирали.

И, переступив через холм глиняной крошки, ушёл.

Через час, заплатив владельцу караван-сарая, вдвоём с Али они забрали повозки и в полной почти темноте тронули лошадей.

— Оставайтесь до утра! — крикнул им прячущий в пояс монеты очень довольный владелец. — Ночная стража уже вышла на улицы!

— А мы к стражникам как раз эти повозки везём.

— Зачем так много?

— Любопытных будем ловить и складывать.

Сладко улыбающийся от веса потяжелевшего пояса, мгновенно сделавшийся нелюбопытным человек с грохотом захлопнул ворота.

А ещё через полчаса повозки остановились на неяркой улице, без входов в дома, протянувшейся вдоль высоких глухих стен дворов.

— Ты уверен? — вполголоса поинтересовался Али.

— Бросай, — вместо ответа приказал Ашотик и протянул ему свою роскошную чалму.

Али, коротко взмахнув, перебросил чалму через стену. И в тот же миг послышались частые глухие удары.

— Как полезно иногда быть любопытным! — довольно улыбнулся Ашотик. — Как хорошо всё знать о месте, в котором живёшь!

— Ты раздобыл где-то план дворца? — попробовал догадаться Али.

— Зачем. Сам всё облазил. Ещё лет десять назад.

— Ты уже тогда предполагал, что настанет необходимость бежать?

— Конечно, нет. Говорю же — из любопытства.

В пролом шагнул почти невидимый чернокожий человек.

— Во вторую повозку — женщин, — командовал ему Ашотик. — Третью и четвёртую — грузим. В первой поедете сами, и приготовьтесь выскочить и уложить, если встретится, ночную стражу, она всегда из четырёх янычар, ни больше, ни меньше. Да мечи свои смешные здесь бросьте!

Ибибио кивнул и скрылся в проёме. Через миг двое чернокожих людей, как чёрные пантеры, прыгнули во вторую по счёту повозку и принялись подхватывать подбрасываемых снизу женщин, некоторые из которых постанывали и восклицали.

— Вот неумные создания! — недовольно поморщился на этот шум предводитель невиданного ночного отряда.

— Четырнадцать! — подошёл к Ашотику учащённо дышащий Ибибио. — А должно быть пятнадцать!

— Да, Бигюль нету в гареме.

— Но где же она?

— Её Хумим подарил кому-то. Ты разве не знаешь?

И, тронув лошадей, откатил от пролома повозку, дав место новой.

Быстро забросав сундуки и ковры, десять чернокожих евнухов подбежали и скрылись в первой повозке. Маленький отряд начал делать то, что строжайше было запрещено делать в Багдаде: двинулся в путь по ночным улицам спящего города.

НОЧНОЙ ДАСТАРХАН

Аллах хранил дерзких. Ни одного отряда ночной стражи не встретилось на пути. Доехав до ворот известного дома, Али остановил переднюю повозку, влез на край шатра и прыгнул на стену. Затем соскочил вниз и через мгновение уже открывал заложенные изнутри брусьями ворота.

Снова слышались пiski и стоны, когда бывших обитательниц гарема перебросали из рук в руки, переместив в просторный, мощёный песчаником двор.

В мутном свете луны Али, взяв за руку Зарину, повёл в дом, и за ней потянулись, покачивая водружёнными на головы узлами, остальные.

В большой комнате в углу горел масляный светильник. Али взял его и, плеснув масла в очаг, зажжёт заранее сложенные в нём дрова. Помещение озарилось.

— Зарина! — вполголоса произнёс бывший гаремный палач. — Кизляр-агас назначает тебя главной в новом доме. Вот за той дверью — большая спальня. Пустая. Раскатайте ковры и устройтесь сегодня на коврах. Вот за той дверью — немного меньшая спальня, приготовьте её для чёрной стражи. Мы с кизляр-агасом сейчас уедем, чтобы избавиться от повозок. А вы молча — я приказываю — молча — перенесёте сюда всю еду, которую я купил сегодня на рынке, телега стоит во дворе. Корзины там не тяжёлые, по двое донесёте. И через час приготовьте хороший ужин на всех. Не справишься — кизляр-агас назначит главной другую.

И, посторонившись перед вносящими в дом ковры чернокожими евнухами, вышел.

Спустя полчаса, доехав до окраины города, Али и Ашотик вылезли из повозок. Али достал из первой повозки небольшой, без оковки сундук и хлестнул лошадей, которые послушно двинулись в ночь. Тихо сказал:

— Теперь, о Аллах, помоги на обратном пути не столкнуться с ночной стражей.

И нащупал в кармане ключ от сундука.

— Такова воля Аллаха, — прибавил подошедший к нему Ашотик. — Того, кто возьмёт чужое, завтра будут пытаться янычары, узнавая, куда делись женщины и кизляр.

И оглянулся на неторопливо удаляющихся лошадей.

Так он сказал. Потом дёрнул Али за рукав. Тот присел. Ашотик влез к нему на шею. Али одной рукой крепко сжал ногу кизляра, вторую руку с сундуком слегка отнёс в сторону, и побежал, сначала медленно, приноравливаясь к непривычной ноше, затем всё более и более ускоряясь.

Аллах хранил дерзких. Через полчаса, никого не встретив на ночных улицах мирно спящего Багдада, Ашотик и Али ввалились во двор.

— Ибибио... — прошептал Ашотик, измученный тряской, — ...Хвалю... У ворот стражу поставил...

Ибибио, склонившийся над ним, улыбнулся, блеснув белым оскалом, и поспешил вложить в скобы запирающий ворота брус. Когда он повернулся, Ашотик махнул ему. Ибибио снова склонился, и Ашотик сказал:

— Какой-нибудь небольшой стол принесите сюда, быстро, и две подушки.

Спустя несколько минут был принесён низкий лаковый столик с изображённым на нём драконом. Оскаленная морда и кончик чешуйчатого хвоста выглядывали из-под двух пуховых подушек. Со стоном переместившись на облегающий пуховые шары атлас, бывший кизляр scomандовал:

— Несите в дом.

Двое чернокожих евнухов, осторожно взявшись за ножки, подняли стол и понесли.

Молча вытягивая пальчик, измученный валом событий маленький убийца Багдадского паши указывал комнату за комнатой, куда его послушно вносили чернокожие мускулистые евнухи.

Осмотрев дом, предводитель беглецов приплыл обратно в главную залу. Одобрительно кивнул, увидев длинный, состроенный из тележных досок и ковра дастархан, уставленный обильным ужином. Показал, где поставить стол-паланкин: возле очага (и сухих сучьев добавить). Добавили. Разгорелся жарче огонь. Ашотик сел, скрестив ноги, прочитал короткую молитву.

— Хвала Аллаху! — сказал Али, и все принялись за еду.

Привстав на локте перед блюдом с хорошо прожаренной курицей, Ашотик добыл из-за отворота доломана небольшой кинжал в ножнах, вытянул его с ласкающим слух тихим шелестом. Полюбовался на клиновидный, обоюдоострый, почти невидимый чёрный клинок. И, проведя им по курице, — легко, как сквозь воду, — отпластал мягкий, с золотистой корочкой, бок. Стремительно, сопя и постанывая, сжевал его и отпластал новый. Поднял голову, громко сказал:

— Ибибио!

Предводитель чернокожих стражников выпрямился во весь свой щедрый рост над дастарханом и замер. Ашотик, поведя измазанным жиром пальчиком в сторону одной из комнат, распорядился:

— Зелёный сундук принесите сюда (измазанный жиром палец указал в пол перед паланкином-столом), и обтянутый синим шёлком!

Ибибио кивнул двоим из своих, и через минуту сундуки стояли между очагом и незатейливым паланкином. Достав из кармана связку ключей, маленький властный распорядитель показал, какой к какому, и стражники отомкнули замки. Кивнув, чтобы подняли крышки, Ашотик, зажмурившись на миг от слепящего блеска золотой посуды, показал на три тонкокованные, без самоцветных камней, лёгкие золотые чаши. Ибибио изъял их из полыхающего солнечным светом сундучного чрева. Опустил крышку, поставил чаши на неё. Из зелёного сундука подняли

небольшой пыльный кувшин и, срезав смолу, вытянули пробку. Налили в чаши вино.

— Али! — позвал Ашотик и рукой с повернутой кверху ладонью указал на одну из чаш.

Гаремный палач подошёл. Почтительно поклонившись, взял чашу.

— Ибибио! — сказал Ашотик, так же указывая на вторую.

Оба медленно пригубили вино. Переглянулись, со значительностью друг другу кивнув. И под молчаливыми взглядами всех сидящих за дастарханом выпили. Подхватив третью чашу, Ашотик, урча и постанывая, выглотал вино. Показал, чтобы снова налили. Что-то шепнул Ибибио. И тот, подняв эту чашу, отнёс и поставил её перед одной из бывших жён паши Хумима. Вспыхнув румянцем, Зарина поклонилась, подняла чашу и отпила.

— Этого сорта — последнее вино на Земле, — весомо произнёс сделавшийся важным кизляр. — Восемь лет назад утаил от Хумима.

И кивнул, чтобы Али и Ибибио себе налили ещё. Сам же, развернув вертикально кинжал, пронзил им отрезанный куриный бок и, подняв перед лицом, стал жадно обкусывать.

Съел. Повёл блестящим от жира подбородком в сторону Ибибио. Тот наклонился. Ашотик громко сказал:

— Спроси у Зарины, достали ли её курицы из своих узлов свои чашки.

Ибибио выпрямился. Посмотрел на тонкие белые руки, поспешно подхватывающие стоящие на дастархане разноцветные маленькие чаши и кубки. На Зарину, поспешно допивающую остаток вина. Сдерживая улыбку, так же громко сказал:

— Зарина! Кизляр-агас спрашивает, все ли достали из своих узлов свои любимые чаши.

В полной тишине Зарина чуточку уже хмельным голосом произнесла:

— Все ли достали свои чаши, спрашивает нас кизляр-агас.

И тут же над дастарханом пронёсся ропот и звон.

— Разлейте на всех, — кивнул Ашотик.

Пока чернокожие стражники бывшего гарема наливали в торопливо подставляемые чаши и кубки вино, Ашотик вытянул над полом жирные руки и выразительно посмотрел на Али. Тот выбежал из дома и, вернувшись с горшком воды, полил кизляру на руки. Вытерев их об полу доломана, Ашотик что-то шепнул. И Али принёс из комнаты стражников новый сундук. Ашотик показал ключ. Али открыл. Дрогнувшими руками поднял и поставил перед паланкином роскошный Хумимов кальян. Недолго повожившись, разжёг. И, потянув из мундштука с безценными сапфирами сладкий дым, новый владелец кальяна сказал:

— Ибибио. Рассади перед очагом всех.

Спустя пять минут в очаге пылали новые сухие дрова, а перед очагом и перед столом-паланкином был растянут самый большой ковёр и на нём, на пухлых атласных подушках разноцветной стайкой устроились бывшие Хумимовы жёны. Глядя в их прекрасные глаза, горящие словно угольки в отсветах очагового пламени, Ашотик, выпустив изо рта клуб синего дыма, сказал:

— Самая мучительная смерть — от утопления. Во дворе стоит бочка с водой, у колодца. Если кто-то возжелает попробовать, пусть опустит голову в воду и так простоит до наступленья мучений. Никого нет на земле, кто не выдернул бы голову из воды, со счастьем и ужасом торопливо вдыхая спасительный воздух. Я это говорю для того, чтобы вы все прониклись, какой страшной смерти избежали сегодня.

Птички в стае взволнованно зашевелились, переглянулись с тревогой и страхом.

— Сейчас есть дом, покой, еда, безопасность. Но в эту вот самую минуту вы должны были опускаться на дно великого

Тигра, из которого голову для глотка воздуха уже никто бы не выдернул. В мешках, как пойманные бродячие собаки, с камнем у ног!

В стайке тоненько заскулил кто-то, намереваясь заплакать.

— Чтобы этого не случилось, мною был убит сегодняшним вечером новый паша Багдада. А нашим хранителем порядка Али был убит капы-ага.

В стайке начал-таки кто-то плакать.

— Благодарите нас за спасённую жизнь, и слушайте и повинуйтесь.

— Благодарим, благодарим!.. — разнеслось по зале многоголосое тревожное бормотание.

— Зарина! — продолжил, вновь окутавшись дымом, кизляр. — Я не всегда буду жить с вами. Мне хочется разыскать и спасти подаренную кому-то Хумимом Бигюль. А также помочь людям Ибибию добраться до их родной Африки, ведь здесь им невозможно будет даже выйти из дома.

Ибибию и несколько чернокожих стражников вскочили. Ашотик утвердительно кивнул им и продолжил:

— Деньги в Багдаде могут всё. А их у меня столько, что и за век не истратить.

— А что же будет с нами, о господин?! — тревожно выкрикнула Зарина. — Кто о нас будет заботиться и кормить?

— Сами. Я закуплю много тканей и шёлковых нитей. Вы станете делать то, что продают на рынках в Багдаде, и тем иметь себе пропитание. Ещё я могу купить красок, и те из вас, кто пожелают, станут раскрашивать для продажи свежеобожжённые глиняные горшки.

И, перекатившись на спину и поднеся ко рту мундштук, Ашотик стал под мерное бульканье кальяна вытягивать дым. Стайка сгрудилась в тесную кучку, взволнованно зашебетала. Текли минута за минутой, долгие в этой странной ночи. Наконец Зарина, повернувшись к кизляру, произнесла:

— О наш господин! Можно ли мне сказать?

— Нужно сказать, Зарина. Ты говори, а я буду слушать.

— Две из нас согласны и желают остаться в этом доме и жить своими трудами. Ты им купи сетку из конского волоса, они сошьют паранджу, чтобы выходить в город. Четверо хотят, чтобы ты употребил свои деньги на то, чтобы вернуть их в свои дома, из которых их когда-то похитили. Ведь обещал же ты, что чёрных евнухов даже в Африку перевезёшь!

— Хорошо. Это я понял. Но что же хотят оставшиеся восемь?

Зарина взволнованно вздохнула и выложила:

— Мы хотим вернуться в гарем.

— Что-что-что-что?!.. — перекатился со спины на локоть изумлённый кизляр.

— О, конечно, не в гарем паши Багдада. А в какой-нибудь другой, может быть даже, в другой стране, где есть гаремы, гарем.

— И... как это сделать?

— Продай нас.

— Что-что?!

— Увези на какой-нибудь дальний невольничий рынок и там продай. Мы очень красивые. Мужья, которые заплатят за нас большие деньги, будут за эти деньги нас очень ценить, а мы их будем любить и жить в их домах, и молодость наша будет сытой и безопасной.

— Подождите... А когда истаёт ваша молодость? Что вы будете делать?

— Мы надеемся, что наши новые мужья не окажутся порченными, как Хумим, от которого ни у одной из нас не получилось детей. А когда мы родим мужу хотя бы одного ребёнка — то сытой и безопасной у нас будет и старость.

— Али?

Ашотик вопросительно взглянул на Али. Тот, поклонившись, сказал:

— Как прикажешь, мой господин. Могу переодеться в турецкое, наклеить усы и нанять фелюгу. По Тигру легче путешествовать, чем по дорогам Персии с их нищими и голодными янычарами.

— Ибибио! — перевёл взгляд Ашотик.

— Мы можем на фелюге грести. И вообще мы будем делать всё, чтобы помочь тебе вернуть нас в Африку.

Ашотик снова лёг на спину. Довольно долго, в напряжённой тишине, булькал кальяном. Наконец усталым голосом произнёс:

— Сделаю, как вы хотите — и стану чист перед Аллахом. Утром старательно обсудим, как выбраться из Багдада. Теперь отправляйтесь все спать.

И, не глядя, передав в руки Али кальянный мундштук, закрыл глаза.

МАСКА ИЗ ОСИНОГО ЯДА

Утром, умывшись и плотно поев, Ашотик в комнате, которую выбрал для себя, тесно заставленной его имуществом, собрал обещанный вчера ночью совет. Трое вошли в эту комнату, и трое напряжённо посматривали друг на друга.

— Али, — сказал наконец Ашотик. — Ты сможешь на рынке и для меня купить турецкой одежды?

— Могу.

— И посетить английскую факторию и купить сколько удастся арбалетов?

— Могу. А их сколько нужно?

— Наши гребцы будут ещё и стрелками. — Он посмотрел на изумлённо расширившего глаза Ибибио. — Так что постарайся купить ещё десять. Отличные вещи: никакого шума от выстрела, и бьют сильнее пули. Мне они нравятся очень.

— Могу.

— Когда привезёшь одежду и арбалеты, останешься здесь и начнёшь обучать чёрных стражников быстро взводить и правильно целить. Я же постараюсь незаметно дойти до двух нужных людей. За большие деньги они помогут нам не только выбраться из Багдада, но даже и доплыть до Понтийского моря.

— О наш господин! — взволнованно проговорил Ибибио. — А для чего нам плыть в Понтийское море?

— Сначала мы продадим тех женщин, которые пожелали это. А потом уже, освободившись от долга перед ними, поплывём в Африку.

— Кафа! — вдруг воскликнул Али.

— Что — Кафа? — непонимающе посмотрел на него Ибибио.

— Там — самый большой на Юге невольничий рынок! — радостно улыбаясь, ответил Али. — И очень и очень далеко от Багдада!

— Ты умён, — улыбнулся ему Ашотик. — Наша цель — именно Понтийская Кафа.

Али вскочил и стал готовить для выхода в город оружие и деньги.

— Осла мне купи! — крикнул ему Ашотик. — И седло на него с высокой подушкой!

Али издали поклонился и вышел из комнаты.

— А ты, Ибибио, отрежь ломтик дыни и положи под деревом во дворе. Потом возьми кувшин и поймай двух прилетевших на дыни ос. Самых маленьких!

— Слушаюсь, кизляр-агас! — вскочил и поклонился Ибибио.

Он также поспешно вышел. Ашотик, оставшись в одиночестве, быстро оглядел заставленную сундуками и корзинами комнату.

— Давай, кизляр! — с воодушевлением воскликнул он и с силой потёр ладошки.

Спрыгнув с тахты, он поставил на неё чёрный ларец, отомкнул и небрежно повыбрасывал из него два или три десятка крупных самоцветов — изумруды, рубины, сапфиры, алмазы. Со звоном высыпав в ларец из кожаного мешочка монеты, заполнил его драгоценными камнями. Положил на тахту мешочек и рядом — булатный кинжал.

— Зарина! — громко крикнул он, выходя из комнаты.

И, когда дотопал до большой залы, Зарина уже стояла, торопливо оправляя после бега одежды, у дверей в коридор.

— Зарина, зови сюда ту, кто лучше всех умеет накладывать на лицо сурьму и сажу.

— Лучше всех у нас красит лица Ату́ш, мы все стараемся поэтому с ней дружить.

— Зови Атуш. И пусть принесёт свои краски.

Через минуту Атуш, радостно улыбаясь, преданным взглядом воткнувшись в подбородок кизляра, стояла перед ним с небольшой шкатулкой в руках.

— Внимательно слушай, — сказал кизляр (взгляд сделался ещё преданней). — Мне на лицо нужно намазать сурьму, как будто солнце обожгло мне щёки во время долгого путешествия. А под глазами чтоб были тёмные тени, как от многодневной усталости. Брови же сделай чёрные, как у турков.

— О мой господин! Я совсем маленькой попала в гарем и никогда не видела турков...

— О Аллах! Ну, сделай мои рыжие брови чёрными, как у Зарины! Ты Зарину-то, надеюсь, видела?

— Видела, мой господин. Как у неё — брови могу сделать.

— Даже ещё чернее!

— Сделаю, мой господин...

И, поклонившись, повела рукой в сторону солнечного ручья, льющегося сквозь распахнутое окно. Немедленно у окна был размещён столик с овальным, в серебряной оправе, на серебряной ножке зеркалом. Выточенные из малахита и яшмы каменные коробочки с красками перебежали из шкапулки на его лаковую поверхность. И низкий и мягкий пуф замер подле. Ашотик подошёл, сел. Сказал строго:

— Нужно, чтобы я был похож на старого турка, с тенями у глаз, с морщинами. Так, чтобы Зарина, встретив меня возле колодца, испуганно вскрикнула, не узнав.

— О, помоги мне, Аллах! — взволнованно произнесла Атуш и привычными, исполненными неторопливой точности движениями стала освежать краски.

Медленно тянулись минуты. Неторопливо и с вдохновением создавала новое лицо кизляру Атуш. Через полчаса он не выдержал и сказал:

— Спина устала. Всё. Встаю.

— Совсем немного ещё, о мой господин! Две морщины ещё нарисую над бровями, тогда лоб будет совсем старьей!

— Хорошо. Ещё мгновение потерплю...

Вошёл Ибибио. Ашотик со вздохом посмотрел на небольшой глиняный кувшин, который тот держал перед собой, и спросил:

— Маленькие?

— Не очень маленькие, кизляр-агас. Но остальные были совсем крупные.

— Хорошо. Иди сюда и доставай по одной.

Атуш, глубоко и нервно вздохнув, сбросила измучившее её напряжение. Собрала в шкатулку свои коробочки. Отошла. Ибибио, поставив на стол кувшин, медленно сдвинул крышку и, когда оса попыталась вылезти, двумя ногтями схватил её за спинку.

— Быстро! — крикнул Ашотик и ткнул себя пальцем в щёку. — Жаль вот сюда!

Чернокожий стражник быстро взмахнул рукой...

— Ай!! — отчаянно взвизгнул кизляр.

И тут же приказал:

— Быстро. Жаль во вторуюю.

Ибибио, добыв вторую осу, ткнул ею во вторую щёку.

— А-а-а-а-о-Аллах!! — простонал, отдёрнувшись всем телом, Ашотик.

А через пять минут все новоявленные обитатели дома сгрудились вокруг, с ужасом глядя на бывшего кизляр-агаса. Сидел перед ними старый турок с таким распухшим от ожогов солнца лицом, что глаза его превратились в узкие щёлочки. Старик с глубокими морщинами на лбу неотрывно смотрел на себя в зеркало и распухшими губами шептал:

— Пекасно, пекасно!

Он повернулся на пуфе, встал. Попросил Зарину:

— Воты мне со йтом и имоном...

Вдруг все вздрогнули от резкого скрежета.

— Кто это у нас? — зловещим голосом спросил Али, направляя в сторону Ашотика выдернутую из ножен саблю.

— Отлисьно поаботано, Атус, — пролепетал кизляр, — эсси тасе Али мея не уснаот...

— Это кизляр-агас, — успокаивающе поднял руку Ибибио. — Он приказал, чтобы ему на щёки ос посадили.

Али, не опуская сабли, молчал, смотрел. Ашотик, стягивая на ходу доломан, подошёл, взглянул заплывшими щёлками в насторожённые волчьи глаза. Развязывая шёлковые шнуры тонкого нательного халата, спросил:

— Туескую отесту пиёс?

— Аллах акбар! — прошептал Али и вернул в ножны саблю. — Как это вы сумели?

Выбежал за дверь и немедленно вернулся, держа перед собой большой узел.

Спустя полчаса из двора выехал на крепком осле старый турок с пухлым и круглым, как блин, лицом, в длинном пыльном халате, в стоптанных сапогах, в чалме, намотанной так, что тень падала даже на плечи. Высокое седло подарило ему самый обычный средний рост ничем не примечательного человека.

Немного отъехав от быстро закрытых за его спиной ворот, человек потянул повод, направив ослика поближе к стене: нужно было пропустить стремительно мчавшихся на встречу четырёх янычар.

«Да-да-да, — подумал щедро покрытый пылью ездок. — Капы-ага не появился утром и не открыл ворота для поставщиков фруктов. Стали искать — нашли. Капы-ага убит, гарем пуст. Стали бить в гонг для паши — он не вышел. Били до самого обеда. Решились войти... Аж до обеда времени было у нас для спасения, а нам и ночи хватило».

Он остановил осла возле ювелирной лавки. Слез, привязал поводья к ручке двери. Вошёл.

— Салам алейкум, о уважаемый! — послышался в полутьме знакомый голос.

— Салам алейкум, Пахти, — прошепелявил пришедший.

— Ты знаешь меня?

— Луше, шем хто-то. И ты снаешь еня. Тай фоты холотной со йтом.

— Воды со льдом?

— Та, та.

Через пять минут, охладив распухшие губы приложенным к ним льдом, Ашотик негромко сказал:

— Бахти. Пашу Багдада убили сегодня.

— Ка-ак?! — вскрикнул потрясённый ювелир. — Сначала — Хумима, и почти сразу — нового пашу?!

— Да. И обоих убили вот из-за этого.

И пришелец вытянул из-за пояса предмет, от которого ювелир отшатнулся, как от ядовитой змеи.

— Узна-ал, — как-то даже злорадно протянул Ашотик, поворачивая, чтобы поблёскивали сапфиры, золотой кальянный мундштук.

— В... В... Впервые вижу...

— Бахти. Я — тот, кто приказал тебе его сделать. По оттиску из мела и клея. Пашу убил я. Чтобы меня не узнали, дал двум осам меня ужалить, отсюда такое лицо.

— Зачем же ты... убил...

— Бахти. Ты — ювелир. Значит, главное условие твоей безопасности — мирные отношения с общиной воров в Багдаде. Не знаю, сколько ты им платишь, чтобы в твой дом они не приходили, но уверен: тебе известно, что главный Багдадский вор получил свою должность за кражу вот этого. — Ашотик потряс в воздухе мундштуком. — Выкраден же он, как говорят в городе, из гарема Хумима-паши. А я, как тебе известно, главный хранитель гарема.

— Ты — Ашотик? Кизляр-агас?

— Ашотик — да. Кизляр-агас — нет. Я теперь сам для себя господин, богатый, свободный. Ты слушай главное. Из гарема! Я подслушал, что Хумим-паша собрался меня пытать, когда на базарах заговорили о том, что мундштук-таки из гарема украли. И опередил его. Убил тайно. Теперь новый паша распорядился уничтожить гарем, утопить всех жён паши Хумима, и я его опередил тоже. Убил тайно.

— Зачем ты мне всё это рассказываешь?

— Затем, что мне нужно сбежать из города. Помочь в этом мне можешь лишь ты.

— Ка-ак?! Я не воин, не ловкач, не вор-пролаза, я — ювелир!

— А вот как. Сейчас ты отнесёшь мундштук Багдадским ворам. Среди них много недовольных тем, что главным вором назначен ещё не видевший жизни юнец! Отдай им мундштук, пусть сравнят с тем, что находится у них, а главное — скажи, что кражи и не было! И что главный вор получил звание своё не очень-то честно! И пригласи самых заинтересованных из них завтра утром сюда. Я расскажу им про обстоятельства этой якобы кражи.

— Но... С кем бы то ни было из общины воров я встречаюсь исключительно редко! Разве я смогу найти кого-то из них так быстро?

— Баhti. Если меня схватят и будут пытаться, как думаешь, скоро ли я скажу янычарам, что второй мундштук изготовил мне ты?

Ювелир прерывисто, со всхлипом вздохнул.

— И это ещё не всё.

— О Аллах!! Что же ещё, бывший кизляр, а теперь господин богатый и вольный?!

— Тебе вместе со мной придётся бежать из Багдада.

— За-чем?!

— Успокойся, успокойся, Баhti. Успокойся и сообрази неторопливо, разумно. Как скоро воры расскажут на рынках, что поддельный мундштук изготовил Баhti-ювелир? Как скоро после этого янычары вышибут твою дверь? Бежим со мною, Баhti.

— Ку-да?

— В Кафу, что на острове Крым, в Понте Эвксинском. Там самый большой на Юге невольничий рынок. Огромная масса людей, мало знакомых друг с другом. Огромная масса денег и огромный спрос на драгоценные украшения

для женщин. Там мы с тобой откроем новую ювелирную мастерскую.

Бахти снова мучительно вздохнул. Прошёлся по комнате. Остановился и с неприкрытой тоскою сказал:

— Если бы ты знал, как много должников у меня в этом городе! Как много могущественных, властных людей, забрав для своих жён украшения, рассчитываются со мной по частям годами! Как же всё это бросить? На какие же средства можно будет открыть в неведомой Кафе новую мастерскую?

Ашотик немного помолчал, снова наложив на распухшие губы почти расплавившийся уже лёд. Затем, отняв мокрую руку от лица, произнёс:

— Где у тебя место, защищённое от грабителей, где ты чеканишь по ночам золото и держишь все свои ценности? Давай, веди. Завтра эта твоя тайна не будет стоить и полпиастра. Дом ведь придётся бросить.

Бахти, немного подумав, подошёл к двери, выглянул на улицу, вздрогнул от потянувшейся к нему морды осла. Закрыл и запер дверь. Подошёл к дальней стене. Вынул кирпич. Засунув руку в проём, потянул цепь. В углу разрежала стену невысокая вертикальная щель. Ювелир подошёл, толкнул тайную дверь и пригласил жестом войти вольного и богатого господина.

Ашотик, миновав короткий коридор, оказался в довольно просторной, прохладной и залитой солнцем комнате, солнечный свет в которой, льющийся из круглого проёма в потолке, был усилен четырьмя хорошего качества зеркалами. В центре помещения стоял крепкий стол с укреплённым на одном из его углов шлифовальным станком.

— Отличное место, — одобрительно сказал Ашотик, оглядывая помещение.

Подойдя к столу, он указал на высокую узкую лавку подле стола и сказал:

— Сядь.

А потом, когда Бахти сел, вытянул из-за отворота халата кожаный мешочек и, распустив шнур, высыпал его содержимое на отполированный до зеркальной ровности стол, окантованный с трёх сторон рейками. Бахти машинально вскинул ладони, препятствуя камням скатиться с четвертой, не окантованной рейками стороны, а потом восторженно застонал.

— Видел такие? — не без надменности поинтересовался бывший кизляр.

Бахти медленно взял алмаз, больше похожий на стеклянный орех. Всмотрелся. Негромко произнёс:

— Невероятно...

А вот этот? — подтолкнул к нему Ашотик невиданно крупный рубин.

— О-о-о-о!!..

— Бахти. Бахти!

— А?! — не сразу вскинул голову ювелир.

— Теперь сообрази, что это — всего лишь малая часть. Ещё у меня есть полсундука золотых монет. Высокочистое, европейское золото. А серебра столько, что я его вообще за драгоценный металл не считаю. Ты разумно сообрази и скажи: можно ли с этим открыть новую ювелирную мастерскую?

— Ашотик... То есть, кизляр... Как мне теперь называть тебя?

— Зови меня ака Баши.

— Ака Баши! Это совершенно меняет дело! Я готов ехать с тобой. Скажи только: можно ли не просто покинуть дом, а продать его одному близкому мне человеку? Я это сделаю за день, хотя и писцу придётся втроене заплатить.

— Можно. Вот, возьми для писца.

И ака Баши, посетив мокрой рукою карман, выложил на стол французский золотой луидор.

Дальше разговор был без слов и быстрым. Ака Баши вернул в мешочек и спрятал на груди самоцветы. Протянул

Бахти мундштук. Ювелир засунул за пояс под халатом мундштук и уважительно поместил в карман европейскую золотую монету. Оба вышли. Ювелир снова потянул цепь и вставил в маленькую нишу кирпич. Убрал засов, отворил дверь. Ослик, привязанный к ручке, вынужденно процокал вслед за ней. Старый турок отвязал поводья, влез на ослика и уже с высоты седла произнёс:

— Завтра утром я встречаюсь с ворами у тебя в твоей полутёмной комнате.

Ювелир, сложив ладони перед грудью, почтительно поклонился. Повернулся, большим ключом запер дверь. Затем оба направились в две стороны улицы, малолюдной в час полуденного багдадского зноя.

ФЕРГАНСКИЙ ПОСОЛ

Спустя недолгое время они объявились — каждый у своей цели.

Ювелир Бахти дошагал до неприметной кофейни почти на окраине Багдада, неподалёку от кладбища. Он вошёл и, едва глаза привыкли к чёрному после слепящего солнца полумраку, радостно простонал. Направившись к тому, кто вызвал у него взволнованность сладкой удачи, он издали поклонился и провозгласил:

— Салам алейкум, эфенди Касым!

Привставая над своей чашечкой кофе, Касым-баба с ответной радостью произнёс:

— Салам алейкум, эфенди Бахти!

Приблизившись, Бахти выжидательно посмотрел на человека, неприметного посетителя кофейни, сидящего рядом с одним из самых значительных воров Багдада. Касым-баба, торопливо и понимающе кивнув, негромко сказал:

— Из наших.

Тогда ювелир, тоже кивнув, достал из-за отворота халата и протянул изящный, с сапфирами, золотой жезл. Двое, привстав, впились взглядами в отлично знакомый им, на весь Багдад знаменитый предмет.

— Горбун посмел продать не своё из пещеры!! — потрясённо прошептал неприметный посетитель кофейни.

— О Аллах, да!! — столь же напряжённо прошептал Касым-баба.

Но ювелир, переложив драгоценность в руку Касыма, успокаивающе произнёс:

— Нет никакой беды, и ваш мундштук лежит спокойно в ваших подвалах. Но есть важная и острая новость, которая ставит под сомнение справедливость назначения эфенди Селима главным Багдадским воров. Похож, правда?

— О Аллах! — осаживаясь на войлочный валик и поднося к самому лицу кальянный мундштук, проговорил

Касым-баба. — Как брат-близнец похож... И сапфиры! Сапфиры!!

А неприметный посетитель кофейни поинтересовался:

— Не откроешь ли нам, о эфенди Бахти, какую новость ты принёс про мало видевшего жизнь, но удачливого нахала Селима?

Ювелир, вежливо поклонившись на вежливый жест в сторону свободного войлока, сел. И в тот момент, когда он начал рассказ о толстом маленьком турке, этот самый турок выехал на своём осле из ворот английской фактории.

Стоящий на воротах караульный привычно качнул мушкетом с безупречно начищенным кирпичной пылью штыком, но офицер, закрывая после посетителя дверь в канцелярию фактории, крикнул:

— Можно!

И караульный, привычно же отшагнув в тень, редкого в полуденное пекло посетителя пропустил.

Офицер же, прошаркав войлочными туфлями в жарком пространстве канцелярии к столу, сел и взял в руки тонкую пачку листов.

— Странное письмо, — сказал он одному из младших чинов, пересчитывающему новоявленную почтовую плату.

— А что там? — спросил тот, с готовностью продемонстрировав внимание к замечанию офицера.

Тот перетасовал листы, отмечая:

— На арабском... на турецком... вот! На английском!

И, откинувшись к торчащей из щели ставни яркой полосе света, прочёл:

— «Хасан, не нужно прыгать во дворец. Здесь так опасно, что убили даже пашу Багдада. Прыгать нужно в Кафу Понтийскую, в комнату ака Баши». И подпись: «Тот, кто дал тебе стеклянный флакон».

— Очень похоже на шпионский шифр, — озабоченно сказал, привставая, казначей почты.

— Ого! — многозначительно подняв руку, осадил его офицер. — Кому адресовано-то! Да я бы лично отвёз это письмо, чтобы только с ним познакомиться!

— И кому же?

— Томасу Локку, капитану корабля «Дукат», в город Бристоль в Англии.

Казначей присвистнул, вскочил, подбежал к двери, приоткрыл её и, глядя на залитого потом в своей подвратной тени часового, взволнованно произнёс:

— Уехал уже на своём осле! О, выспросить бы, откуда он знает капитана «Дуката»!

А владелец осла, благополучно въехавший в сами собой распахнувшиеся при его приближении ворота, сполз с высокого турецкого седла и, постанывая, заковылял к дому. Там он, встав сразу за дверью, помотал руками возле лица, как бы плеская на него воду. И да, немедленно поднесли к нему чашу с водой, на ходу забрасывая в неё лёд. Ашотик, закрыв глаза, на ощупь охватил края чаши и, утопив под кромкой воды облепительный стон, погрузил в её прохладу лицо.

Спустя долгие, невообразимо долгие полминуты он выдернул голову из воды и громко, с нескрываемой болью простонал. Затем, поддерживаемый под локотки, доковылял до своей комнаты, лёг и слабым голосом приказал:

— Ибибио и Али позовите ко мне.

— Али ещё не вернулся из города, — торопливо сообщили ему.

— Понятно. Как только вернётся — немедленно скажите, что я его жду.

Потом, приняв вложенную в руку мокрую ткань, нашлёпнул её на распухшее от осинового яда лицо и стал слабо и протяжно стонать.

— О господин! Чашу вина? Из ледника!

— Да-а-а-а... — на одном из стонов согласился кизляр.

Принесли вина. Привстав, он с мучительным иканием выглотал всё до дна. Взял вновь обильно намоченную ткань, снова накрыл лицо. Лёг.

Через час Зарина, склонившись над ним, негромко спросила:

— Обед принести? И лепёшки, и курица немного остыли уже... Виноград на колотый лёд положили...

— Обедать буду после того, как приедет Али.

И ещё через час впервые за сегодняшний день, насколько позволили распухшие щёки, улыбнулся: в коридоре слышались знакомые, твёрдые, размеренные шаги. Вслепую приподняв руку, чтобы поприветствовать вошедшего, он вдруг ощутил этой рукой вложенный в неё металл. Быстро ощупав, под своей мокрой тканью спросил:

— Сколько?

— Четыре, — ответил негромко Али. — Всё, что есть сегодня у англичан. Но заказал ещё шесть, доставят из Басры дней через десять.

— Нет, — качнул накрытой головою кизляр. — Через три дня нас уже здесь не будет.

— Есть что-то, что я должен узнать?

— Когда янычары разыщут и допросят всех тех, кто украл наши повозки, они поймут, что беглый гарем... — он со стоном, наполненным неприкрытым злорадством, рассмеялся и повторил: — беглый гарем... остался в Багдаде. Тогда они войдут не только во все дома, но даже перероют мусорные кучи.

— И как же мы вывезем из Багдада женщин и африканцев? Африканцев очень нелегко спрятать.

— Так и вывезем, что не станем их прятать. Понимаешь, золота очень много я накопил. А золото может всё. В Багдаде особенно.

— И что это золото может сделать для нас?

— Роскошная, со златотканым балдахинном повозка, — воздев в пространство комнаты руку, стал перечислять, загибая пальцы, накопитель золота. — Десять прекрасных коней, десять рослых всадников в золотых масках, труба, барабан... Одетый под местного янычара глашатай... Крытая галера с вёслами и косыми бермудскими парусами.

— И... Где же я всё это куплю?

— Тебе ничего покупать не придётся. Всё приготовят люди, с которыми я встречу завтрашним утром.

— На всё это у нас хватит золота?

— А-а-а... Ни в какое золото это не встанет... Они сделают всё за шесть кальянных сапфиров.

— Не понимаю.

— Я подарю вора Багдада второй кальянный мундштук. Бахти в Кафе новый сделает, с рубинами. Они ярче. Кто там ещё?!

— О мой господин, — слышался от двери голос Зарины. — Обед, как ты приказал... лепёшки испекли свежие, и курицу другую пожарили...

— Давай.

И, отбросив в сторону ткань, Ашотик приподнялся и сел.

— О Аллах, — сказал, глядя на его лицо, Али. — Нужно было пчёлку ловить.

— Нет. Укусы пчёл сошли бы до вечера. И что, утром всё снова? А яд ос держится несколько дней. Мне утром ещё в мастерскую Бахти нужно приехать, на встречу с ворами...

Да, яд ос держался несколько дней. В тот день, когда из двора недавно купленного дома выехал блистающий золотом и сталью отряд, Ашотику не нужно было прятать лицо: в переднем разрезе полога роскошной повозки сидел старый турок, с толстым лицом, с чёрными бровями и чёрными тенями вокруг глаз. Огромная белая чалма накрывала его голову, и яркими атласными волнами растекался вокруг широкий и длинный новенький доломан. Перед повозкой двигались пять пар всадников, в длинных ярких халатах, в шлемах, тщательно начищенных кирпичной пылью, и в золотых масках, совершенно скрывающих лица. Шестеро из них открыто держали поперёк сёдел взведённые арбалеты. Двое размеренно били в медные турецкие барабаны, а двое по очереди выдували визгливые трели из ярко начищенных труб. Впереди важной процессии бежал,

мелькая грязными пятками, янычар и громко кричал, пугая прохожих:

— Дорогу Ферганскому послу! Приветствуйте Ферганское посольство!

Дважды встретившиеся отряду городские стражники отшагивали к стенам домов и поднимали в знак приветствия копьё. Один из них, глядя вслед посольству, пробормотал:

— Янычар у них глупый какой-то. Эта улица ведёт к набережной Тигра, а не ко дворцу Аббасидов.

Ему ответили:

— Так они, может, не прибыли, а отбывают.

— Да, может.

Действительно, отряд выехал на мощёную камнем широкою набережную. У ближайшего причала покачивалась, невтугую притянутая канатами, длинная крытая галера. Её борт мягко бил в камышовые маты, защищающие дерево от камня. С борта на берег был перекинут широкий и прочный трап.

Отряд остановился так, что повозка встала точно напротив трапа. Тут же к ней потянулись любопытные портовые ротозеи. Однако всадники в золотых масках действовали мало сказать быстро — стремительно. Спрыгнув с сёдел, они бросили своих роскошных лошадей и подбежали к повозке. Посол в большой чалме отдёрнул боковой полог, и двое сняли с повозки пустой, без крышки сундук. Побросали в него арбалеты, барабаны и трубы, и один, вцепившись в боковые ручки, понёс его на галеру по трапу. Остальные взялись за главное дело. На повозке стояли двенадцать больших бочек. Подхватывая вдвоём по бочке, бывшие всадники стали быстро перемещать их вслед за скрывшимся под навесом галеры носителем сундука.

Изумлённым ротозеям открылось, как взявшиеся вдруг ниоткуда десять ловких людей вскочили в пустые сёдла и неторопливо поехали с пристани. И тут ещё одно событие привлекло их липкое, пустое внимание. Из одной из бочек

вдруг послышался приглушённый крышкой отчётливый женский смех.

— Ва-а! — сказал в небольшой толпе кто-то. — Там что же, девушка?

А нервный смех тёк всё громче, громче...

— О аллах!! — завопил вдруг кто-то в толпе. Все повернули голову в направлении его взгляда, и увидели торопливо поднимающийся к небу густой чёрный дым.

— Что-то горит возле рынка!!

И в тот же миг все бросились смотреть на пожар.

— Замолкни, курица! — прорычал, обернувшись к хохочущей бочке, Ферганский посол. И быстрым жестом указал подбегающим золотолицым грузчикам: — Берите эту!

Подхватив бочку, грузчики в ответ на отчаянные взвизгивания сами едва сдерживались, чтобы не захохотать.

— Катите! — приказал им сверху посол.

Послушно опрокинув бочку набок, её покатали по трапу, и истерический, заразительный смех в ней сменился болезненными приглушёнными вскрикиваниями.

Всё перетасили с повозки, и последним сняли и перенесли маленького посла.

Ещё появились вдруг ниоткуда двое ловких людей. Они сдёргнули с причальных кнехтов канаты и забросили на галеру, и так же забросили трап. Потом сели в переднем разрезе полога в повозке и неторопливо тронули лошадей.

Галера, взятая медлительно-мощным течением Тигра, пошла, всё ускоряясь, мимо Багдада. Неуверенно шевельнулся руль, галера вильнула. Так же с неловкостью кто-то разобрал под навесом длинные вёсла.

— Парус не трогать! — крикнул Ашотик, сидящий на своих сундуках. — Доблестные меченосцы. Перевернёте мне лодку, и это после того, как столь удачно сбежали. И курицу эту первой достаньте из бочки и приведите сюда! Сейчас я буду смеяться.

Глава II НЕВООБРАЗИМЫЕ ГОСТИ

Корабли ушли.

«Эрмшир», подаренный мною серым братьям, увёз Филиппа, охотников за черепами и женщину: донну Бригитту.

Мой «Дукат» и корабль Ярослава отправились в Московию — отвезти индийские специи для прибыльной продажи, и ящик с золотыми украшениями из логова Люпуса для превращения его в «честное» золото. На обратном пути оба корабля должны были привезти побольше мачтовых стволов, опять же для прибыльной продажи. Ничто не даёт такой уверенности в завтрашнем дне, как неизменное увеличение сальдо!

КОЛЕТТА

По прошествии лета я с моими друзьями вступил в дело, в котором не играли роли ни знатность, ни военный опыт, ни сила — а только умение и мастерство: в гавани открылась осенняя продажа канатов. Мои мастера, бледные от волнения, стояли возле огромного сундука, примерно такого же, как и сундуки проверенных, имевших имя артелей. Мы с Бэнсоном, стоя рядом, говорили что-то успокоительно-бодрое.

В связи с событием вся середина пристани была освобождена от купеческих товаров и корабельного такелажа. На одном краю высился недлинный помост, на котором

в креслах сидели покупатели канатов — владельцы кораблей и интенданты военного ведомства. Между помостом и уже упомянутыми сундуками высились выстроенные в ряд полдюжины шатров, собранные из высоких и крепких брёвен. Из вершины каждого такого шатра свешивался на цепи крюк. У подножия шатра лежал ещё один отрезок цепи с точно таким же крюком.

— Дорёго купила, дешевё продаля! — вонзался в уши радостный крик толстушки Колетты, торгующей сардиной.

Но сегодня чернокожая торговка кричала по привычке, а не для привлечения покупателей. Она сидела на большой горке сардинных бочонков, которым отводилась едва ли не главная роль.

— С Богом! — громко произнёс Луис, командор адмиралтейства.

И тотчас ударила холостым выстрелом кулеврина.

Канатные мастера (и мои тоже) подняли крышки сундуков и, натянув рукавицы, достали оттуда по длинному чёрному от свежей смолы канату.

Достали, отнесли каждый к своему шатру. Назначенный адмиралтейством распорядитель прошёл и внимательно измерил витки: на каждый ярд должно быть ровно три витка, ни больше, ни меньше. Измерил. Повернулся к помосту. Кивнул.

— Цепляй! — скомандовал с помоста Луис.

И тотчас ловкие портовые мальчишки, наверное, единственный раз в год имеющие честный заработок, принялись карабкаться к вершинам шатров. Каждый, кто долез, устраивался попрочней в верхней развилке брёвен и оттуда спускал длинную каболку. К ней привязывали петлю новенького смоляного каната, усиленную внутри стальной петлицей, и, упираясь босыми ногами, мальчишки втягивали эту петлю наверх и с лязгом цепляли на крюк.

Внизу между тем суетились мастера: подвешивали к нижней петле каната второй крюк, на котором висел мощный

дубовый помост. И вот — все шесть канатов были вывешены, и народ замер.

— Грузи! — приказал, не скрывая азарта, Луис.

И началось! Строго по одному мастера подходили к Коlette и брали по бочонку с сардиной. Вернувшись к шатрам, одновременно вскидывали руки и ставили бочонок на помост.

В полной тишине (несмотря на неопишваемое количество зевак), помосты заполнялись бочонками, и вот уже бочонки начали ставить на нижние, вторым слоем. Канаты, натянутые, как струны, заблестели от выступившей смолы.

— Ахх! — единым стоном отозвалась толпа, когда один из канатов лопнул.

Разбрызнулись в стороны незадачливые мастера. Раскатились пузатенькие бочонки.

— Лонстонский цех снят с торговли! — перекрикивая гул, сообщил Луис.

Это был позор. Канат лопнул, когда ещё не принял установленного количества груза!

Толпа хохотала: владеец Лонстонского канатного цеха крепко съездил мастеру в рыло.

Но пять остальных канатов держались, и вот Луис возгласил:

— Последний бочонок!

Все канаты приняли одинаковый груз, и распорядитель снова пошёл по шатрам, измеряя, на сколько вытянулся канат. Потом, в порядке возрастания крепости, стал делать отмашку — сначала самому вытянувшемуся канату (коноплю плохо сушили! — шепнул мне мой мастер), потом менее вытянувшемуся и... «Шервудскому» канату он махнул в последнюю очередь. Покрасневший от радостного переживания мастер снова повернулся ко мне и вполголоса сообщил:

— Мы старались!

— Менее всех дал послабление канат цеха Тома Шервуда! — с явным удовольствием огласил Луис очевидный всем результат.

— Да у нас разница — в дюйм! — крикнул соседствующий с нашим шатром мастер.

Его было можно понять. Владельцы кораблей и интенданты купят сначала все канаты у победителя, а потом уже — у остальных, по остатку. А победитель-то — новичок! Цех, который никто всерьёз и не воспринимал!

— Да и у нас разница небольшая! — добавил свой крик мастер, получивший отмашку перед нами.

— Бэнсон, — быстро сказал я, — тащи ещё пару бочонков.

Понимающе улыбнувшись, Бэнсон кивнул и, прошагав к КоLETTE, взял у неё два бочонка и водрузил на наш помост.

— Мы даже такого веса не боимся! — заявил он двум соперникам.

Толпа ответила гулом и свистом. Тогда мастера двух цехов также принесли и поставили на свои помосты по два бочонка. Один из канатов щёлкнул и стал отчётливо вращать свой помост.

— У-у-у-у!! — взревела толпа.

Тогда Бэнсон прошагал и добавил на помост ещё один бочонок. И соперник добавил тоже один, и его канат, как и наш, под налетающим ветром гудел, но держался. Тут ударил грохот: канат, вращающий помост, даже не получив новой нагрузки, лопнул.

— Но меру-то мы прошли! — обиженно вскричал его мастер.

А Бэнсон, всё более заводя толпу, притащил ещё бочонок! И соперник добавил тоже один, а потом прибавили и ещё по одному! Канаты стали гудеть отчётливей, звонче. Шагнул вперёд распорядитель и, вытянув руку, направил внимание всех на очевидное: канат «Шервуда» вытянулся явно меньше.

И тут лопнул соседский канат! Под крики и грохот раскатившихся бочонков я быстро подбежал к Бэнсону и прошептал ему на ухо.

— Но Томас! — ответил он. — А если и наш лопнет?

— Бэн, мы и так в выигрыше. А если не лопнет?! Ты представляешь, о чём сегодня будут говорить в Бристоле на кухнях?!

И Бэнсон, сделав строгое лицо, прошагал к горке бочонков и схватил... Да, именно, внезапно и крепко схватил задохнувшуюся от неожиданности Колетту. И уже потом, когда Бэнсон, вскинув могучие руки, посадил её на наши бочонки, она начала визжать, пронзительно-громко. Выла, визжала и хохотала толпа, а канат, чуть начав вращаться, дер-жал-ся!! Текли секунда за секундой. Встали при виде небывалого зрелища с кресел купцы и кораблевладельцы, визжала сидящая высоко на бочонках толстая чернокожая торговка, и орала, изнемогая, толпа, а канат держался.

И вот Бэнсон, протянув руки, снял Колетту с помоста и, поставив на камни пристани, стал аплодировать. И немедленно зааплодировала толпа, и Колетта, бывшая рабыня, удачливая торговка, пугливая визгунья, любимица, оборвала визг и тоже стала заливисто хохотать.

— По две гинеи всем!! — яростно вытаращив глаза, повернулся я к своим мастерам. — Сверх жалованья! По две гинеи!

— Мистер Шервуд! — подошёл ко мне распорядитель. — Вас просят...

Бочонки снимали с помоста, а воодушевлённые мои мастера тащили новый канат, собираясь продемонстрировать всем, что и остальные ими сплетены и от души, и на совесть!

Я подошёл к креслам, поклонился всем. Луис сделал почтительно-приглашающий жест, и я шагнул на помост. Толпа затихла.

— Мистер Шервуд! — громко проговорил Луис. — Поскольку ваш цех до сегодняшнего дня был никому не известен — сообщите нам, как вы намерены маркировать ваши канаты, которые, убеждён, отныне будут покупаться ещё не сплетёнными!

— Джентльмены! — так же громко сказал я и сидящим на помосте, и, посмотрев на три стороны, замеревшей толпе. — Как многие знают, я пригласил в «Шервуд» повара французского короля. Так что теперь немного знаю французский. И сейчас кое-что открою и вам!

И в наступившей тишине закончил:

— Нет более удачной маркировки для канатов, чем слово «косичка»! А знаете, как произносится на французском косичка? Не знаете? Слушайте и запомните навсегда: Ко-лет-та!!

И вот тут снова обрушился взрыв крика и свиста. А я повернулся к Луису и, пересиливая шум, добавил:

— А на маркировочном ярлыке будет изображена сидящая на бочонке толстая негритянка.

— Это изумительно, Томас! Это впечатается в любую память!

Воодушевлённые, принимая со всех сторон поздравления, мы направились к таверне.